

- ратов, 2003. – С. 212-220.
7. Сентенберг И.В. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. – СПб., 1993. – Вып. 1. – С. 30-39.
 8. Федорова Т.В. Аргументация в контексте непрямой коммуникации (на материале английского языка): Дис. канд. филол. наук: 10. 02. 04. / – Иркутск, 2008. – 163 с.
 9. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136с.
 10. Searle J. R. Intentionality. An Essay in the Philosophy of Mind / J. R. Searle. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 278 p.

УДК 81'38:811.162.4

Кувшинова Е.А.

ЛЕКСЕМА МУЖИК КАК СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННАЯ ЕДИНИЦА В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА*

Аннотация. Настоящая статья посвящена становлению *разговорной речи* как стилистической категории в русском литературном языке первой половины XIX века. Целью является анализ функционального поля слова *мужик* и становления его как стилистически маркированного средства в языке произведений А.С. Пушкина. Для проведения анализа используются толковые словари русского языка, а также «Словарь языка Пушкина».

Ключевые слова: разговорная речь, просторечие, стилистически маркированная единица, лингвистическая категория, стилистическая категория, лексема *мужик*.

Е. Kuvshinova

LEXEME “MUZHİK” AS STYLISTICALLY MARKED UNIT OF LANGUAGE IN LITERARY COMPOSITIONS OF A. PUSHKIN.

Abstract. The present article is devoted to colloquial speech formation as a stylistic category of the Russian standard language of the first half of XIX century. The article is intended to analyze the functional field of the word “muzhik” and its development as stylistically marked means of language in literary compositions of A.S. Pushkin. Explanatory dictionaries of the Russian language as well as “The Dictionary of language of A.S. Pushkin” have been used for the analysis.

Key words: colloquial speech, vernacular, stylistically marked unit, linguistic category, stylistic category, lexeme “muzhik”.

*“Muzhik” - “a man, a peasant” (Rus).

С именем А.С. Пушкина связана идея формирования русского литературного языка нового времени, становления новой стилис-

тической системы русского литературного языка, завершение формирования художественного стиля как функциональной разновидности языка, что отмечает К.А. Войловой: «Величайшей заслугой Пушкина является то, что в его творчестве были заложены основы стилистической системы современного русского языка, были выработаны и закреплены осознанные и принятые современниками и последующими поколениями общенациональные нормы русского литературного языка. И стилистическая система, и нормы были изначально сориентированы Пушкиным на русскую народную языковую стихию – всегда живую, неповторимую, яркую, самобытную – стихию, жизненно необходимую для развития русского книжного литературного языка» [Войлова К.А., 2007, с. 20].

Наиболее интересной проблемой в лингво-стилистической концепции Пушкина-лингвиста, на наш взгляд, является проблема формирования новой стилистической категории – *разговорная речь*. Ее становлению способствовало противопоставление *просторечия* простонародной языковой стихии и противопоставление *просторечия* разговорной речи. К. А. Войловой отмечено: «Просторечие и разговорная речь начинают противопоставляться сферой своего использования: единицы разговорной речи становятся тем корпусом языковых единиц, которые составляют основу произведения, просторечие же изначально стало восприниматься как стилистически маркированное средство. Однако просторечие как стилистическая категория не могло противопоставляться разговорной речи как лингвистической категории. Поэтому постепенно разговорная речь развивает статус стилистического средства и начинает

* © Кувшинова Е.А.

использоваться А. С. Пушкиным как дифференцирующее средство речи героев его произведений» [Войлова К.А., 2007, с. 56]. Использование *разговорной речи* и *просторечия* А.С. Пушкиным в языке своих произведений стало не чем иным, как своевременным восприятием наметившихся тенденций в области общенационального языка, которые Г. О. Винокур объединяет в «процесс опрощения», указывая, что «процесс опрощения литературного языка, процесс приближения книжного языка к живой разговорной речи сопровождался словарно-грамматической чисткой языка, внедрением в литературную речь грамматического единообразия и нормативной правильности» [Винокур Г.О., 1959, с. 193].

Целью данной статьи является анализ функционального поля слова *мужик* и становление его как стилистически маркированного средства в языке произведений А. С. Пушкина.

Слово *мужик* относится к наиболее частотным единицам в пушкинском художественном пространстве. «Словарь языка Пушкина» фиксирует 76 случаев его использования.

В современных словарях русского языка можно встретить различные значения этой лексемы. Толковый словарь С.И. Ожегова либо выносит данную лексему за пределы норм русского литературного языка, и тогда появляется помета *просторечное* ('2. То же, что мужчина (простор.), 3. То же, что и муж (простор.)' [Ожегов С.И., 1999, с. 369]), либо признает ее принадлежность к литературному языку, но ограничивает употребление пометой *устаревшее* ('1. Крестьянин (в противопоставлении горожанину) (устар.)' и '4. Невоспитанный, грубый человек (устар.)' [Ожегов С.И., 1999, с. 369]).

Более ранний словарь русского языка, изданный под редакцией Д. Н. Ушакова, фиксирует 4 значения, два из которых также выведены за рамки литературного языка и имеют пометы *областное* ('3. Мужчина (обл. и простореч. фам.). 4. Муж (обл.)' [Ушаков]), а два других включены в разряд единиц литературного языка ('1. В устах "господ" (прежде), а также в крестьянском быту – крестьянин, 2. В том же языке "господ" – грубый, невоспитанный человек вообще (разг. пренебр. устар.)' [Ушаков]). Первое толкование не имеет никаких помет, соответственно, мы можем признать его нейтральным и не переместившимся еще на периферию литера-

турного языка в те годы (30-ые – 40-ые годы XX века), когда создавался словарь. Однако тенденция выхода лексемы *мужик* из активного словаря заметна благодаря отмеченной принадлежности слова к «языку "господ"», к языку исчезнувшего к середине XX века социального класса. Подобная социальная отнесенность дает возможность утверждать отсутствие какой-либо стилистической окраски словоупотребления, подчеркивает нейтральность стиля.

Подтверждение тому, что лексема *мужик* являлась нормированной единицей русского литературного языка и выполняла функцию номинации, можем найти и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, где первым значением указано: 'муж, мужчина простолюдин, человек низшего сословия; крестьянин, поселянин, селянин, пахарь, земледел, – делец, – пашец, хлебопашец; тягловой крестьянин, семьянин и хозяин' [Даль], и уж только потом 'человек необразованный, невоспитанный, грубый, неуч, невежа' [Даль].

Исходя из этого, мы в праве утверждать, что в начале XIX века слово *мужик* в пределах русского литературного языка используется как средство номинации. Однако в языке художественного пространства А. С. Пушкина лексема *мужик* развивает разговорный характер и начинает функционировать как стилистическая единица. К.А. Войлова отмечает: «Разговорная единица в пушкинском художественном пространстве – одно из основных средств изображения картины мира и выражения художественного мира поэта. Пушкин использовал те разговорные слова, формы, выражения, которые: а) в условиях контекста сохраняли статус разговорной единицы, б) всему контексту сообщали разговорный характер, в) обладали способностью к нейтрализации высокого характера книжной единицы» [Войлова К.А., 2007, с. 25]. Иными словами, употребление единиц *разговорной речи* в пределах художественного пространства А.С. Пушкина может быть как стилистически маркированным, так и стилистически нейтральным.

Обратимся непосредственно к функционированию в языке произведений А.С. Пушкина лексемы *мужик*, которая на современном этапе развития русского языка, как мы уже установили, может являться устаревшей, разговорной и даже просторечной единицей в зависимости от контекста и конкретного лексического значения.

В «Словаре языка Пушкина» зафиксированы 3 значения слова *мужик*: '1. Крестьянин, мужчина из простого народа. 2. О взрослом мужчине из крестьян, из простого народа. 3. Вообще о взрослом мужчине (в разговорно-фамильярной речи)' [Словарь языка Пушкина, 1957, с. 638]. Причем стилистически нейтральным вариантом лексемы может служить только первый вариант толкования, соотносящийся с представленными в толковых словарях русского языка значениями.

Слова *мужик* и *крестьянин* являются синонимами при условии, что весь контекст носит стилистически нейтральный характер. Например: *Владимир не имел духа отвечать на вопросы. "Можешь ли ты, старик, – сказал он, – достать мне лошадей до Жадрина?" – "Каки у нас лошади", – отвечал мужик; "Который час?" – спросил его Владимир. "Да уж скоро рассветет", – отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова («Метель»).* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 63]

В приведенных примерах проявляется отмеченная Д.Н. Ушаковым социальная оппозиция «господ» и «мужиков», то есть лексема *мужик* выступает в качестве средства номинации и обозначает одного из собеседников представленного диалога.

Аналогична функция данной лексической единицы и в романе «Дубровский»: *Он поспешил в рошу и наехал на Покровских мужиков, спокойно ворующих у него лес* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 129]. – *Мы решили, – продолжал заседатель, – с вашего позволения остаться здесь ночевать; а то уж темно, и ваши мужики могут напасть на нас на дороге* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 144].

В данных контекстах слово *мужик* имеет значение 'крестьянин', причем этому способствуют и определения (*Покровских и ваши*). Номинация сужается до значения 'крепостной крестьянин'.

Новое значение лексема *мужик*, оставаясь стилистически нейтральной, развивается в следующем контексте, принадлежащем разговорной речи: *Принесли крышку и заколотили гроб. Бабы громко выли; мужики изредка утирали слезы кулаком. Владимир и тех же трое слуг понесли его на кладбище в сопровождении всей деревни* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 142].

Для того чтобы подчеркнуть трагизм происходящего, значения *крестьянин* для лексемы *мужик* недостаточно, требуется ее соотнесенность с возрастом, потому и появ-

ляется значение 'взрослый мужчина из крестьян', подчеркнуть которое призвана оппозиция *бабы – мужики*, где обе единицы остаются стилистически нейтральными, в то время как стилистически маркированными единицами, сообщающими всему контексту разговорный характер, становятся экспрессивные глаголы *заколотить* и *выть*.

Аналогична функция слова и в другом контексте разговорного характера, где лексема *мужик* остается стилистически нейтральной: – *Полно врать, Антон Пафнутьич. Знаем мы вас; куда тебе деньги тратить, дома живешь свинья свиньей, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь, знай копишь да и только* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 156]. Данный контекст в целом имеет разговорный характер, однако лексема *мужик* не становится стилистически маркированной единицей, являясь средством номинации, тогда как разговорный характер отрывку сообщают глагол *обдирать*, частица *знай*, синтаксическая конструкция, основанная на повторе бранного слова *свинья*.

Синонимический ряд *мужик – крестьянин* характерен и для «Истории села Горюхина»: *Немедленно по его прибытию собрать мужиков и объявить им мою барскую волю, а именно: Приказаний поверенного моего ** им, мужикам, слушаться, как моих собственных* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 113–114]; *Чем мужик богаче, тем он избалованнее, чем беднее, тем смиреннее* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 114]; *Половина мужиков была на пашне, а другая служила в батраках; и день храмового праздника сделался, по выражению летописца, не днем радости и ликования, но годовщиною печали и поминания горестного* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 115].

Лексема *мужик* является номинативной единицей без какой-либо стилистической соотнесенности даже тогда, когда номинация усложняется и становится двучастной: *Недомки были разложены меж зажиточных мужиков и взыскаемы с них со всевозможною строгостью* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 114]; *Всякая общественная повинность падала на зажиточных мужиков. Рекрутство же было торжеством корыстолюбивому правителю; ибо от оногo по очереди откупались все богатые мужики, пока, наконец, выбор не падал на негодяя или разоренного* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 114].

В качестве номинации выступает целое словосочетание *зжиточные мужики*, определяющее и характеризующее социальный

слой, приобретающее в рамках языка произведение синоним *богатые мужики*.

В повести «Капитанская дочка» лексема *мужик* развивает значение ‘мужчина из простого народа’ там, где невозможно представить авторскую мысль о существовании крестьянина как класса: *Хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти, еще свежий и бодрый* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 239]; *В эту минуту хозяин вошел с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 240]; *Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооруженных дубинами; это был передовой караул пугачевского пристанища* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 291]; *Я выхватил саблю и ударил мужика по голове...* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 291]; *Я поехал скорее и вскоре очутился снова между караульными мужиками...* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 292]; *“Вот и дворец, – сказал один из мужиков, – сейчас об вас доложим” <...> Я дождался долго; наконец мужик воротился и сказал мне: “Ступай: наш батюшка велел впустить офицера”; Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 292].

В одном из примеров (*Я поехал скорее и вскоре очутился снова между караульными мужиками...* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 292]) определение уточняет, какие именно «мужики» были описаны: в данном случае не *зажиточные* и не *крепостные*, а *караульные*. Эта дополнительная социальная номинация не вносит никаких изменений в стилистический статус слова в приведенных контекстах.

Интересен переход лексемы *мужик* в разряд стилистически маркированных единиц: *Вместо отца моего, вижу в постеле лежит мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: – Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 239].

Слово *мужик* выполняет две функции:

а) является средством номинации – *лежит мужик с черной бородою*. Здесь: *мужик* – человек недворянских кровей;

б) является стилистическим средством (*И к какой мне стати просить благословения у мужика?*), семантически соотносимым с ‘мужчина’ [Ушаков] и определенным Д.Н. Ушаковым просторечной, областной, фами-

льярной единицей. В данном случае единица разговорной речи *мужик*, расширив семантический объем (не крестьянин, а мужчина вообще), переходит в разряд стилистически маркированных единиц, чему способствует употребление слова внутри прямой речи и противопоставление в ее пределах лексеме *батюшка*, имеющей оттенок почтительности при обращении к отцу.

Другом пример, где в пределах одного контекста проявляется двойное функционирование лексемы *мужик* (как стилистически нейтральной единицы и как стилистически маркированной): *Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины, и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: “Не бойсь, подойди под мое благословение...”* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 239].

Лексема *мужик* становится стилистически маркированной только в соседстве с эмоционально окрашенным эпитетом *страшный*, который к тому же вступает в оппозицию с обстоятельством образа действия *ласково*, что в совокупности приводит к стилистической дифференциации контекста.

Кроме того, разговорный характер лексемы *мужик* развивает и в значении ‘о взрослом мужчине из крестьян, из простого народа’ [Словарь языка Пушкина А.С., 1957, с. 638]. В «Истории села Горюхина» находим: *Я был тронут до глубины сердца, увидя знакомые и незнакомые лица – и дружески со всеми ими целуясь: мои потешные мальчишки были уже мужиками, а сидевшие некогда на полу для посылок девчонки замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинам говорил я без церемонии...* [Пушкин А.С., 1985, 3, с. 103]

Вступая в оппозитивные отношения по возрастному признаку с разговорной единицей *мальчишки* и по родовому признаку с разговорной единицей *бабы*, слово *мужик* придает разговорный характер всему контексту, что подчеркивается к тому же и стилистическим противопоставлением (*мужик – мужчина, баба – женщина, мальчишки – девчонки*).

Стилистически маркированной единицей слово *мужик* оказывается и в незаконченной пьесе «Сцены из рыцарских времен»: *Альберт. Мужик, подлая тварь! Извините, граф, я с ним управлюсь... Вон!... (Толкает его в спи-*

ну.) *Чтобы духа твоего здесь не было* [Пушкин А.С., 1985, 2, с. 512]. Однако антураж происходящего в пьесе не позволяет считать полноправным толкованием слова *мужик* ни один из вариантов, предложенных «Словарем языка Пушкина». Несомненно, социальная компонента в виде *мужик – дворянин* не чужда лексеме, которая в приведенном контексте развивает дополнительное бранное значение, отмеченное уже в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Подобное стилистическое маркирование одной единицы в пределах синтаксической конструкции (входит в состав экспрессивного, негативно окрашенного обращения) придает разговорный характер всей реплике.

Стоит заметить, что слово *мужик* не является сугубо прозаической единицей у А.С. Пушкина: она встречается и в стихотворных произведениях. Однако многообразие функционирования лексемы *мужик* отмечается исключительно в прозаических текстах.

А.С. Пушкин использует анализируемую нами единицу языка в стихотворных произведениях не малой формы: в романе в стихах «Евгений Онегин», в сказках «Сказка о медведихе» и «Сказка о рыбаке и рыбке», а также в простонародной сказке «Утопленник». В каждом случае употребления лексема *мужик* остается лингвистической единицей, выступая как средство номинации.

В простонародной сказке (жанровая принадлежность определена самим А.С. Пушкиным) «Утопленник» встречаем: *Рыболов ли взят волнами, // Али хмельный молодец, // Аль ограбленный ворами // Недогадливый купец? // Мужик какое дело?* [Пушкин А.С., 1985, 1, с. 427]; *Уж лучина догорела // В дымной хате мужика, // Дети спят, хозяйка дремлет...* [Пушкин А.С., 1985, 1, с. 428]; *И мужик окно захлопнул: Гостя голого узнав, // Так и обмер...* [Пушкин А.С., 1985, 1, с. 428]; *Говорят, что каждый год // С той поры мужик несчастный в день урочный гостя ждет...* [Пушкин А.С., 1985, 1, с. 429].

Во всех приведенных контекстах слово *мужик* остается стилистически нейтральной единицей, имеющей, однако, семантическое расслоение: в первом контексте, благодаря предшествующим социальным номинациям (*рыболов, купец*), реализуется значение ‘крестьянин’ как указание на сословную принадлежность; в остальных – как ‘о взрослом мужчине из крестьян, из простого народа’ [Словарь языка Пушкина А.С., 1957, с. 638], что подчеркивается и оппозицией второго

контекста *мужик – дети, мужик – хозяйка*.

В «Сказке о медведихе»: *Отколь ни возмись, мужик идет, // Он во руках несет рогатину...* [Пушкин А.С., 1985, 1, с. 604]; *Как завидела медведиха // Мужика со рогатиной, // Заревела медведиха...* [Пушкин А.С., 1985, 1, с. 604]; *Уж как, знать, на нас мужик идет, // Становитесь, хоронитесь за меня, // Уж как я вас мужику не выдам // И сама мужику ... выем* [Пушкин А.С., 1985, 1, с. 604]; *А мужик-от он догадлив был, // Он пускался на медведиху, // Он сажал в нее рогатину...* [Пушкин А.С., 1985, 1, с. 605]; *А мужик-то ей брюхо порол, // Брюхо пород, да шкуру съмал...* [Пушкин А.С., 1985, 1, с. 605]; *Дошли весты до медведя чернобурого, // Что убил мужик его медведиху...* [Пушкин А.С., 1985, 1, с. 605], – наблюдается оппозиция не по возрасту, не по социальному статусу, а свойственная фольклору: *добро – зло*. Причем отрицательным персонажем является именно *мужик*, погубивший ни в чем не повинных «медведиху» и «медвежатухек».

В «Сказке о рыбаке и рыбке» герой, которому присваивается номинация *мужик*, выступает, скорее, положительным персонажем, снискавшим сожаление рассказчика, называющим его *стариком*, либо *старичком*, а слово *мужик* появляется только в прямой речи, принадлежащей старухе: *‘Как ты смеешь, мужик, спорить со мною, // Со мною, дворянкой столбовою?’* [Пушкин А.С., 1985, 1, с. 632]. Используясь в рамках прямой речи, слово *мужик* не становится стилистически маркированным средством, чему способствует подчеркнутое социальное противопоставление: *мужик – дворянка столбовая*. Подобная оппозиция несет отрицательную коннотацию, сохраняя стилистическую привязанность всего контекста к нейтральному стилю.

Подобную социальную оппозицию находим и в «Евгении Онегине»: *Гвоздин, хозяин превосходный, // Владелец нищих мужиков...* [Пушкин А.С., 1985, 2, с. 269], где слово *мужик* имеет значение ‘крепостной крестьянин’ и в совокупности с эпитетом *нищих* служит средством сатиры: насколько же должен быть хозяин *превосходным*, чтоб мужики всегда оставались нищими?

В другом контексте из «Евгения Онегина»: *Мелькают мимо будки, бабы, // Мальчишки, лавки, фонари, // Дворцы, сады, монастыри, // Бухарцы, сани, огороды, // Купцы, лачужки, мужики, // Бульвары, башни, казаки...* [Пушкин А.С., 1985, 2, с. 308] – лексема

мужик остается стилистически нейтральной. Она стоит в одном ряду с наименованиями различных предметов окружающей действительности, и происходит овеществление, *мужик* становится частью пейзажа.

Итак, А.С. Пушкин, широко используя в языке своих произведений изначально стилистически нейтральную лексическую единицу *мужик*, сообщает ей разговорный характер, превращая таким образом в стилистически маркированную единицу, которая могла влиять на характер всего контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – С. 193.
2. Войлова К. А. А. С. Пушкин: соотношение объективного и субъективного в языке и стиле. – М., 2007. – 135 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Эл. вар-т. Значения приводятся по данному источнику.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., дополненное. – М., 1999. – С. 369.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 3-х т. – М., 1985.
6. Словарь языка Пушкина. / Под ред. Виноградова В. В. – М., 1957. – Т. 2. – С. 638.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935-1940. Эл. вар-т. Значения приводятся по данному источнику.

УДК 811.161.1'373

Кузьмина Т.В.

САКРАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ *ВЕНИК* В СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА*

Аннотация. В данной статье рассматривается сакральное значение лексемы *веник*, её функционирование в славянских языках (русском и болгарском). Автор выясняет, откуда появляются сакральные оттенки слова *веник*, и устанавливает, в каком из славянских языков преобладает сакральное ядро. Важную роль при установлении сакральности играют эмотивный и ассоциативный компоненты. Исследование ведется на основе фольклорных (сказки, народные песни, поговорки) и магических (заговоры, заклинания) текстов.

Ключевые слова: сакральное значение, идиомы, поговорки, ассоциации, славянская языковая картина мира.

T. Kuzmina

SACRED MEANING OF THE LEXEME “BESOM” IN SLAVIC LINGUISTIC CONCEPTION

Abstract. The present article is devoted to sacred meaning of the lexeme “besom” and its functioning in Slavic languages (Russian and Bulgarian). The author also researches where sacred nuances of the lexeme “besom” appear from and distinguishes in what Slavic languages the kernel exists. Emotional and associative

component plays an important role while distinguishing sacredness. The exploration is based on folkloric materials (fairy tales, folk songs, proverb) and magical texts (charms and spells).

Key words: sacred meaning, idioms, proverb, association, Slavic linguistic conception.

Слово – это «единица интеллектуально-духовной жизни, обуславливающая реализацию человеческого бытия в самом широком смысле» [3, с. 45]. Отождествляя знак и обозначаемое, слово и предмет, имя вещи, сущность вещи, «мифологическое сознание склонно приписывать слову те или иные трансцендентные (чудесные, сверхъестественные) свойства – такие, как магические возможности; чудесное («неземное» божественное или, напротив, демоническое, адское, сатанинское) происхождение; святость (или, напротив, греховность); внятность потусторонним силам» [15, с. 42].

Некоторые слова в лексике русского и болгарского языков имеют в своей семантической структуре сакральные значения. Рассмотрим русский вариант слова *веник* (его старославянская форма *вѣникъ* связана с *венюк*, *вить* [25, с. 291]) и болгарское слово *метла* (праславянская форма **метъла* «*мету*» [25, с. 610]).

Смысловая структура лексемы *веник* в

* © Кузьмина Т.В.